

ОПРАВДАНИЕ ИДУЩЕГО «В ЗОСИМИНУ ПУСТЫНЬ»

I

Предвидя то, что нетрудно предвидеть, что сочинение «В Зосиминову пустынь» вызовет недоумения и нарекания даже у верующих, не говорю уже о далёких от церкви читателях, я решил подробнее объяснить цель написания этой книги.

С общепринятой точки зрения сочинение «В Зосиминову пустынь» представляет собой, помимо всего прочего, хулу на великую гордость русского народа – его художественную литературу. Содержа нападки на многих известных писателей – Н.В.Гоголя, Н.А.Некрасова, И.А.Ильина, прот.С.Булгакова, Г.П.Федотова, В.В.Кожина – эта книга особо ополчается на таких гениев русского слова, как Пушкин, Достоевский, Блок, Есенин.

Так, например, о великом русском поэте А.С. Пушкине в этом сочинении сказано: «Культура, которая провозглашает Пушкина своим пророком и учителем, не может быть русской. Почему? Да потому что подлинная русская культура вся выросла из Церкви и церковного богослужения. Русская культура это культура возделывания Древа послушания – Креста. Пушкинской же культуре лучше называться российской, а ещё лучше потешной культурой, и не присваивать себе имени русской. Иначе выходит путаница и ложь» (гл.13, «Тайна беззакония»).

Эти высказывания автор книги «В Зосиминову пустынь» поместил в своём разборе Пушкинской речи Достоевского, который (разбор) заключает словами: «Я не думаю, чтобы Ф.М. Достоевский лгал сознательно, когда писал свою Пушкинскую речь, и потешное провозглашал пророческим. Он приукрашивал, он фантазировал, он художественно мечтал, но тайна лжи действовала в его словах помимо него. Впрочем, на то она и тайна, чтобы скрываться. Тайна лжи и есть тайна беззакония, действующая в человеке помимо человека. Эта тайна скрывается не где-то за человеком, не в чьих-то замыслах и планах, она – внутри каждого из нас».

После обвинений во лжи Ф.М. Достоевского, нетрудно догадаться, какую оценку даёт священник Георгий творчеству Льва Толстого. «Всё ясно, например, с Толстым, он от Христа отрёкся. А как быть с другими писателями? Да и с Толстым как быть? Куда деть его книги и портреты, висящие в школах и бросающие на юные души взоры, предавшие Христа? Ребёнку вредно смотреть в эти глаза, да и взрослому человеку небезопасно вглядываться в светящиеся темнотой толстовские портреты» (гл.7, «Кромешная тьма и Толстой»).

Не осталась без критической оценки и поэзия А.А. Блока. О ней, в частности, сказано: «Пушкин, тайную свободу пели мы вслед тебе», - пропел поэт Блок. Уж, не в этом ли

тайная свобода состоит, чтобы писать масонские знаки в своих книжках, а также в сознании читателей? Не в этом ли свобода, чтобы посвящённые могли их читать и посмеиваться в кулачок над профанами? Если в этом, то избави меня Бог от этой свободы, этой поэзии и этих гениев, которые меня за человека не считают и строят свою свободу на моей несвободе» (гл.11, «Fare thee well, Александр Сергеевич»).

Далее. Цитируя некоторые стихи С.А. Есенина, автор книги «В Зосимину пустынь» пишет: «народ, который избирает себе в любимые поэты Есенина, ожидает судьба поэта Есенина...» (гл.19, «Правда без любви и ложь с любовью»).

Кажется, достаточно приведено примеров, чтобы составить представление о степени неприязни, которую автор книги «В Зосимину пустынь» испытывает к российской литературе, и которую он выплёскивает с её страниц в души читателей? Зачем он это делает? Не нравится ему классика? Не хочет он её читать? Пусть не читает. Зачем же других отрывать от её чтения, да ещё с такими угрозами.

«Не хотите смотреть – не смотрите», - был ответ главы Российского правительства на просьбы многих людей не показывать широким экраном телесериал «Школа». Так же и здесь. Не хочет священник Георгий читать российскую литературу – пусть не читает. Зачем же он других заражает своей подозрительностью к ней, толкуя на свой странный лад произведения классиков? Кстати говоря, можно в чём угодно обвинять автора книги «В Зосимину пустынь», но только не в голословности: все свои выводы он делает на основе тщательных литературоведческих разборов. Но зачем он их делает? Зачем пытается пересмотреть «русскую» литературу?

Затем, что с сериалом «Школа» произойдёт то же, что произошло с русской, вернее сказать, с российской литературой. Фильм, против которого сейчас раздаются голоса, и не смотреть который ещё подсказывает многим людям их совесть, через два десятка лет будет обязательной частью российского телевидения. Иными словами, если 20-ть лет назад сериал «Школа» не мог быть допущен на широкий экран из-за своей явной непотребности, то через 20-ть лет он будет естественной и безобидной частью этого экрана, а, может, даже его гордостью. То же произошло с литературой. Если до революции 1917 года романы Достоевского и Толстого читать учащимся духовных семинарий запрещалось, то сейчас эти книги включены в обязательную школьную программу, а их сочинители особо почитаются российским народом.

При таком сугубо отрицательном отношении к российской литературе, которое не только далёкие от церкви люди, но и вполне воцерковлённые христиане назовут фанатичным, непонятно, что предлагает ходок «В Зосимину пустынь»? Бить телевизоры, сжигать художественную литературу, бежать в катакомбы?.. Непонятно также и то, почему он сам при таком отношении к светской культуре, которая составляет основу современного воспитания и образования, не ушёл до сих пор в лес или в одну из пензенских пещер, но живёт в миру и служит священником в подмосковном храме?

Ни бегства в горы, ни костров из нецерковных книг, ничего подобного, кроме давно известного средства не предлагает автор книги «В Зосимину пустынь» всем стремящимся получить благодатное общение со Христом Богом в Его Небесном Царствии. Что это за средство?

...пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие (Мк.1:14,15). Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши, да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа, Которого небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века (Деян.3:19-21).

Покаяние как умно-сердечное исхождение из мира при физическом пребывании в нём, покаяние как внутреннее перерождение – вот единственно благословенный Христом Богом способ преобразовательной деятельности человечества. Приложить этот способ к отношениям с художественной литературой предлагает идущий «В Зосимину пустынь» священник. Предлагает не от себя, но вслед за Тем, Кому служить он призван и поставлен.

II

В чём же должно состоять покаяние писателей и читателей? Каким делом могли бы они откликнуться на призыв *покайтесь и обратитесь* (Деян.3:19), если бы захотели принести Христу действительное, а не притворное покаяние?

Расставить книги в своей домашней библиотеке соответственно чину – вот дело, могущее стать первым шагом покаяния, за которым необходимо должны последовать второй, третий и дальнейшие шаги, поскольку покаяние обладает таким свойством, что стоит ему остановиться хотя бы на один день, как в следующий день оно прекращается полностью.

Чтобы понять последние слова, обратимся к покаянному примеру блудного сына. Пася свиней, он приходит в себя. Придя же в себя, он не только сказал: *пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою* (Лк.15:18), но и сделал так. Придя к отцу, он просит прощения не только у него, но и у старшего брата (об этом не говорится в Евангелии, но такого прощения не могло не быть). И если бы вдруг на каком-то отрезке этого пути блудный сын остановился, то как бы мы назвали его покаяние? Прерванным? Остановившимся? Частичным? Ни прерванным, ни частичным покаяние быть не может: оно либо есть, либо его нет никакого.

Какой же чин, какой покаянный порядок книжного стояния должен быть в библиотеке православного христианина? На верхних и ближайших полках должны стоять книги церковных учителей и святителей, а внизу и подальше – беллетристика. Книг отвергнутого Церковью Льва Толстого не должно быть. Книги Пушкина, Достоевского, Блока, Есенина уберите подальше.

Братья и сёстры, прошу вас, если нет сил расстаться с этими книгами (могу вас понять, поскольку сам многие годы преодолевал в себе эту почти наркотическую тягу к ним), то давайте читать их реже и реже, пока эта душевредная (именно душевредная) привычка не оставит нас, во всяком случае, пока мы не сможем относиться к ним бесстрастно, т.е. так, что: есть ли они, нет ли их на книжной полке – всё равно.

А у нас, христиан, что происходит? Когда мы в молитвах называем своими учителями Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и не читаем их книг, зато читаем Пушкина, Достоевского, Блока, Есенина, то мы лжём перед Богом.

Впрочем, если вы пренебрежёте советом священника, думая, что лучше него знаете, что вам нужно читать, а что не нужно, то читайте их на здоровье, вернее, на расстройство своего духовного здоровья. Читайте, если так хочется, но не обманывайтесь и не обманывайте других – Христа в этих книгах нет. Вот именно. Христа в Его истинном, православном, святоотеческом исповедании, а значит, и Света, Которым просветиться мы просим в молитве 1-го часа: «Христе, Свете Истинный,…» в книгах Пушкина, Достоевского, Блока, Есенина нет. Какой же в них духовный свет? Неистинный, искажённый, поддельный, ложный...

Тяжело читать церковных учителей и святителей? Это самое и говорит о том, как болен наш дух, как бесконечно далёк он от духа святых отцов. Зато приятно читать Пушкина с Есениным и смотреть кино? И это говорит о том же, о болезни нашей души.

Дух русского народа болен страшной прелестью, в которой сперва художественная литература учила его жить по-советски, а теперь телесериалы учат жить по-русски. А как же жить по-русски? Этому учит Церковь. Жить по-русски, значит жить в церкви и церковью. Не беллетристикой и не телевизором (даже если там показывают самую православную программу в мире), но духом святых отцов.

Это и хотел сказать идущий «В Зосимину пустынь» священник. Не опорочить и не оклеветать великих мастеров русского слова хотел он своей книгой, нет, но показать, как далеко они ушли, а вслед за ними уведены и мы, их читатели и почитатели, от Евангельской истины, от света Христова благовестия. Показать начало, обнажить причину изгнания рускости, т.е. святоотеческого духа из русской души. Показать, где и когда началась эта прелесть, т.е. принятие лжи за истину.

Об этой прелести говорят, например, первые слова известной речи Ф.М. Достоевского, произнесённой им в заседании Общества любителей российской словесности в 1880 году: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание».

Странно читать эти слова Федора Михайловича. Я могу понять и принять их только при условии разграничения двух обществ: допетровского и послепетровского, потому что для русского самосознания, уходящего корнями в Киевскую Русь, Пушкин началом быть никак не может. Видимо, Ф.М. относит себя к послепетровскому обществу, называя его нашим, а допетровское общество и его самосознание, надо полагать, считает уже не существенным, раз поставляет Пушкина не в середину и не в другую часть пути, но в самое начало «правильного самосознания нашего». Причём, даёт поэту в руки факел к освещению «тёмной (!) дороги нашей новым (!) направляющим светом (!). В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание»» (гл. 11, «Цыганский табор»).

Это полагаемое Ф.М.Достоевским в поэте Пушкине начало «правильного самосознания нашего» сродни тому началу, которое положил президент Российской Федерации в одной из своей речей, а именно, поздравляя телезрителей с очередным новым годом, он поздравил их с 20-летием России. Поразительно! Как будто не было у России ни 1150-летней государственной истории, ни Святой Руси, ни трагического искушения коммунизмом, но началась она 20-ть лет назад с распадом Советского Союза.

Впрочем, удивляться этому поздравлению президента не приходится, если за 130 лет до него великий русский (уж лучше ему называться российским) писатель произнёс то же самое: Пушкин – начало «правильного самосознания нашего». Вот где начало изгнания русскости. Вот где начало российскости. Впрочем, это только идейно-художественные её подпорки, а деятельная перестройка русского духа началась при Петре Алексеевиче Романове.

III

Однако и Петрова деятельность не была началом, но следствием происходившей век от века и год от года утраты святоотеческого духа правящей частью русского народа, или, образно говоря, его головой.

Горячим поклонником феатра был уже царь Алексей Михайлович. А его сын Петр поставил на Красной площади балаган, но даже бесплатный он плохо посещался народом, и по этой причине вскоре был убран. Тогда театр стал насаждаться в верхних, зависимых от власти слоях русского общества.

Но мы не для того сейчас вспомнили историю российского театра, чтобы указать на грехи предков. Мы хотим сказать другое: причину нашего сегодняшнего всенародного нравственного падения надо искать далеко в веках. А про театр Петра I мы потому вспомнили, что вовсе ни заводы и модернизация, ни капиталистический стиль хозяйствования, ни европейская одежда, и ничто другое, перенимаемое с запада, но театрализация русской жизни, т.е. её надуманность и разобщение с церковью – вот та главная перестройка, которая стала причиной дальнейших русских бед, и которая привела Россию к революции, советчине и нынешнему кризису.

После Петра русская жизнь всё более разобщалась с богослужением и всё более превращалась в театр российских действий. И в этой прелести, в этом духовном ослеплении, когда общественные мечтания стали всё более подменять личное Богообщение, Россия начала строить то, что ещё 200-300 лет назад и в голову бы не пришло строить русскому крестьянину – земной рай, коммунизм.

Переделывание на западный манер русского духа, то есть подмена веры в Небесное блаженство верой в земное благополучие и замещение Богооткровенных истин выдуманными идеалами – вот первейшая беда Петровских преобразований. Литература же в совершении этой подмены сыграла особую роль. И писатели своими книгами, словно революционеры листовками, в распространении и внедрении этой подмены в народное сознание изрядно постарались. Вот как об этом говорит Достоевский.

«Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк».

И в этом маскараде пророчество? В этом балагане народность? В этих «перевоплощениях своего духа в дух чужих народов» – национальная русская сила? В этом «великое грядущее назначение» русской силы, чтобы «перевоплощаться вполне в чужую национальность»? Я уже ничего не понимаю, Федор Михайлович, Вы это серьезно? Да Вы ли это говорите? Может, уже не Вы? Может, один из сочинённых Вами злодеев вытаскивает через Вас на Божий свет весь этот бред?

Вывод выходит страшнее самих речей. Оказывается, русскость по Достоевскому заключается в почти совершенном перевоплощении своего духа в дух чужих народов. Читатель, скажите, что я не прав. Одёрните меня, осадите, окатите меня ведром холодной воды. Это русский-то человек станет перевоплощаться? Это Сергей Радонежский стал бы примерять на себя чужую национальность? Или Александр Невский, ответивший папе, что веру отцов знает без папы, стал бы, подобно Пушкину, воображать себя то сектатором, то дон жуаном, то мусульманином? Что за бред? Да и как это возможно, чтобы дух одного человека стал бы в дух другого человека воплощаться? Или, может, русский крестьянин, весь отданный во власть земли, стал бы наряжаться во всемирность и всечеловечность? Да он слыхом не слыхивал, что это такое. Незачем ему, да и некогда этими барскими глупостями заниматься» (гл.12, «Перевоплощайтесь!»).

Отсылаю читателей, интересующихся разбором Пушкинской речи, к помещённой в этой книге статье «Антихристианская направленность Пушкинской речи Ф.М. Достоевского»,

сам же хочу сказать о другом. О том, насколько глубоким должно быть наше нынешнее покаяние, если мы хотим вернуться к подлинной русской жизни, а не продолжать жить выдуманными в российском литературно-художественном балагане мечтами о всечеловечестве.

Но как по-настоящему покаяться? Что надо сделать, чтобы принести Богу глубокое и искреннее раскаяние? Расстаться с классикой? Это невозможно. Да и никому не нужно. Даже мне, её непримиримому противнику. Поэтому я говорю не о расставании, но о покаянной (слово «покаяние» в буквальном переводе с греческого означает «перемена ума») переоценке произведений Пушкина, Достоевского, Блока, Есенина и прочих классиков, сделавшихся для нас почти непререкаемыми авторитетами. Никакие они не авторитеты, но сочинители самых обыкновенных басен.

Баснями на языке Священного Писания и Предания называются учения, сколь ухищренные, столь же и пустые. *Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия* (2 Пет.1:16).

Все такие учения – ложные. *Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвергнут слух и обратятся к басням* (2 Тим.4:3,4).

Эти учения также называются в Писании – скверными и бабьими. *Негодных [церковнославянский перевод: скверных] же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии* (1 Тим.4:7).

Следуя этим апостольским наставлениям, святитель Григорий Богослов называл преподаваемые в языческих училищах светские науки «лжеименным образованием» (Слово 5-е). Но любопытно то, что называя их так, он решительно восстал против императора Юлиана, запретившего христианам образовываться в этих науках. Почему же восстал? Читаем Григория Богослова:

«Тогда как дар слова есть общее достояние всех словесных тварей, Юлиан, присвоив его себе, ненавидел в христианах, и хотя почитался даровитейшим в слове, однако же о даре слова судил крайне неразумно. Во-первых, неразумно тем, что злонамеренно, по произволу, толковал наименование, будто бы эллинская словесность принадлежит язычеству, а не языку. Почему и запрещал нам образовываться в слове, как будто такое наше образование было похищением чужого добра. Но сие значило то же, как если бы не дозволялось нам и всех искусств, какие изобретены у греков, а присвоить их себе потому же сходству наименования. Потом, неразумно он надеялся, будто бы скроется от нас, что не нас, **которые очень презираем такую словесность** (выделено мной. – Г.С.), лишает он одного из первых благ, но сам страшится обличений в нечестии, предполагая, может быть, что сила обличений зависит от красоты слога, а не от разумения истины и не от доказательств, от которых удержать нас так же невозможно, как и сделать, чтобы мы, пока имеем язык, не исповедовали Бога. Ибо мы вместе с прочим и сие, то есть слово,

посвящаем Богу, как посвящаем тела, когда нужно и телесно подвизаться за истину». (Слово 4-е, первое обличительное на царя Юлиана).

IV

Выходит, Григорий Богослов ратовал за изучение христианами языческой словесности, которую презирал за суетную мудрость? Выходит, так. И среди писателей, чьи книги он осмеивал и обличал, можно встретить имена Гомера, Платона, Аристотеля, Пифагора, Сократа, Анаксагора, Гераклита... Смотри, например, его Слово 5-ое. Но почему он отстаивал право изучать то, что им презиралось?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, нужно сказать, почему языческая словесность приравнивается нами к российской классике? Действительно, то, что мы пытаемся сделать, а именно выстроить свои отношения с российской классикой так, как выстроил свои отношения с древнегреческой классикой святитель Григорий Богослов, - дело хорошее. Но прежде этого дела необходимо обосновать, почему мы приравниваем две совершенно разных литературы: языческую и христианскую?

Потому что обе они нечестивы, и если первая нечестива однозначно, то для подтверждения нечестия второй написана книга «В Зосимину пустынь». Что понимается мною под словом «нечестивый»? Это слово требует разъяснений, поскольку такую поговорку из словаря В.И. Даля, как «*нечесть* наша по праздникам заместо церкви да в кабаке ходит», современному русскому человеку понять уже трудно. В кабаке ходит пьянь, а не нечесть. Почему же пьянь названа нечестью? Потому что не прийти в церковь в праздник – вот что было нечестием на Руси.

Слова «нечестие» и «беззаконие» почти синонимы. Но, как смысл слова «нечестие» в связи с переменой понятия о чести поменялся, так и смысл слова «беззаконие» в связи с переменой понятия о законе за время, прошедшее от составления словаря Владимиром Ивановичем Далем, изменился. А ведь ещё сто лет назад один был в русском народе закон – Божий. Не уголовный, не гражданский, не конституционный, не избирательный... Все эти законы – преходящие людские условности, один он – Божий закон – неизменен, и по нему нас будут судить в вечности.

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых (Пс.1:1) – великое начало великой Псалтири. «*Макариос анир, ос ук епоревти эн вули асевон...*» «Эн вули асевон» буквально: в совете (по совету) нечестивых.

Наша великая российская литература это – нечестивая басня (в апостольском значении этого слова), только сочинена она уже не на языческий, как древнегреческая, а на христианский лад, сиречь христианами и для христиан. И что нам с ней делать? То же, что сделал святитель Григорий с древнегреческими баснями. Поставить на своё место.

В одной из глав книги «В Зосимину пустынь» можно прочесть такие слова. «Пушкин – великий поэт и точка. И не нужно приколачивать над его головой пророческого нимба,

потому что всякому непрелщённому пушкинской поэзией видно, что этот нимб – картонный. Не нужно разжигать психически нездорового возбуждения вокруг, конечно же, вдохновенного, но всего лишь человеческого творчества Пушкина. Не нужно разливать потоков лжи, величая Пушкина пророком, и пачкать этой ложью всех приближающихся к нему. Не надо провозглашать его стихи «откровением» и творчество «божественным», как это делает И.А. Ильин, потому что оно было и остаётся всего-навсего художественной литературой. А литература, как тень, как собака, должна знать своё место».

Святитель Григорий так, например, определил место древнегреческой классике, а вместе и покаянную задачу современным ему писателям. «Языку твоему необходимо должно господствовать? Ты не можешь остановить болезней рождения и не разродиться словом? Но много есть для тебя других обильных предметов. На них обрати с пользой **недуг сей** (выделено мной. – Г.С.). Рази Пифагорово молчание, Орфеевы бобы и эту надутую поговорку новых времён: *сам сказал!* Рази Платоновы идеи, преселения и круговращения наших душ, припамятование и вовсе не прекрасную любовь к душе ради прекрасного тела; рази Эпикурово безбожие, его атомы и чуждое любомудрия удовольствие; рази Аристотелев немногообъемлющий промысл, в одной искусственности состоящую самостоятельность вещей, смертные суждения о душе и человеческий взгляд на высшие учения; рази надменность стоиков, прожорство и шутовство циников. Рази пустоту и полноту и те бредни, какие есть о богах или жертвах, об идолах, о демонах, благотворных и злотворных, какие разглашаются о прорицалищах, о вызывании богов и душ, о силе звёзд. А если ты не достаиваешь сие и словом, как маловажное и многократно опровергнутое, хочешь заняться своим предметом и в нём ищешь пищи любочестию, то и здесь укажу тебе широкие пути. Любомудрствуй о мире или мирах, о веществе, о душе, о разумных – добрых и злых – природах, о воскресении, суде, мздовоздаянии, Христовых страданиях. Касательно этого и успеть в своих исследованиях не бесполезно, и не получить успеха не опасно» (Слово 27-е, о богословии первое).

В начале этой статьи мы спрашивали, каким мог бы быть покаянный труд современных писателей России? Действительно, каким делом могли бы они откликнуться на апостольский призыв *покайтесь и обратитесь* (Деян.3:19), если бы захотели принести Христу Богу подлинное, а не показное только покаяние?

Так вот, если они захотят поступить по-христиански, т.е. так, как учит Григорий Богослов, а не по-своему, как они обычно поступают, когда не могут, как говорит святитель, «остановить болезней рождения и не разродиться словом», то пусть они заменят в вышеприведённой цитате имена Орфея Пушкиным, Эпикура – Толстым, Аристотеля – Достоевским и т.д., и им откроется необозримое поле деятельности по разделению в российской литературе пшеницы от плевел.

Братья! Пора нам, наконец, прозреть. Пора всем нам, и писателям, и читателям трезво посмотреть на российскую классику, чтобы, не обольщаясь красотой её поэтических и прозаических оборотов, увидеть наряду с христианскими мыслями, пустоту многих её

созвучий и образов. И такой прелестной пустоты в нашей литературе, я уверен, окажется намного больше, чем Христова разумения.

Но если в ней больше пустоты, чем истины, зачем её изучать? Что трезвого можно извлечь из прелестного? И благочестивого – из нечестивого? Вот вопрос, который мы поставив выше, сохранили для теперешнего ответа. Действительно, зачем святитель Григорий Богослов защищал изучение презируемой им языческой словесности, когда царь Юлиан запретил её преподавание для христиан?

Разумеется, не древнегреческую литературу защищал Григорий Богослов, и уж, конечно, не беззакония, описанные в ней, но бесценный Божий дар – слово. Владение словом, искусство слова, силу слова, которая, как он говорит, «для благонравных щит добродетели, а для злонравных – жало греха», отстаивал святитель, когда видел, что этой силы хотят лишить его паству. Слово для святителя это резец, которым можно вырезать как басни, так и Божественные гимны, как небылицы, так и словесные поделки, отражающие истину. Впрочем, выслушаем самого святителя, что он говорит о своём отношении к слову.

«Но я должен опять обратить мое слово к словесным наукам; я не могу не возвращаться часто к ним; надобно постараться защитить их по возможности. Много сделал богоотступник [Юлиан] тяжких несправедливостей, за которые он достоин ненависти; но ежели в чём, то особенно, кажется, в этом он нарушал законы. Да разделят со мной мое негодование все любители словесности, занимающиеся ею как своим делом, люди, к числу которых и я не откажусь принадлежать. Ибо всё прочее оставил я другим, желающим того, оставил богатство, знатность породы, славу, власть – словом, всё, что кружится на земле и услаждает людей не более, как сновидение. Одно только удерживаю за собой – искусство слова, и не порицаю себя за труды на суше и на море, которые доставили мне сие богатство. О, когда бы я и всякий мой друг могли владеть силой слова! Вот первое, что возлюбил я и люблю после первейшего, то есть Божественного, и тех надежд, которые выше всего видимого. Если же всякого гнетёт своя ноша, как сказал Пиндар, то и я не могу не говорить о любимом предмете, и не знаю, может ли что быть справедливее, как словом воздать за искусство слова словесным наукам» (Слово 4-е).

Как много сказано Богословом в этих немногих словах. Помимо объяснения причин, побуждающих его отстаивать словесность, он тут же отводит ей подобающее место – второе «после первейшего, то есть Божественного». Признаваясь в своей безграничной любви к слову («ибо всё прочее оставил я другим»), он не забывает соблюсти иерархичность своих предпочтений. Желая овладеть силой слова, он, как и положено доброму ученику, воздаёт благодарность словесным наукам и, разумеется, учителям, ибо без учителей наук не бывает, несмотря на то, что в числе таковых были и языческие писатели.

Последуем примеру святителя и мы, которые, как он, с радостью согласны принадлежать к любителям словесности, «занимающимся ею как своим делом». Воздадим словом «за искусство слова словесным наукам» и нашим словесным (но не духовным!) учителям,

великим российским писателям, несмотря на то, что некоторые из их сочинений мы нелицеприятно осудили. И напоследок объясним, почему они упорно именуется нами российскими. Потому что русскость и православие для идущего «В Зосимину пустынь» странника понятия равнозначные. Литература же, которая при внимательном рассмотрении не может быть названа вполне православной, не может называться и русской. Значит, остаётся её назвать российской.

V

Скажут, какой смысл биться с явлением, которое скоро исчезнет? Как литературу не назови – русской или российской – её скоро не будет, потому что книги уже почти не читаются, зато всё больше смотрятся телевизор, телефон, интернет...

Последнее из названных явлений это такое море информации, в котором не утонуть просто невозможно, и в котором вся классическая литература исчезает, как капля в море. А прибавьте к интернету 100 телевизионных каналов, вещающих круглосуточно уже даже в мобильных телефонах. Кто способен, не говорим осмыслить, но хотя бы остаться здравомыслящим в этом потоке информации, в большинстве своём пустой и лживой? Поэтому о литературе в настоящих условиях лучше говорить утвердительно, нежели ниспровергательно, лучше защищать её как последнюю силу, способную противостоять окончательному распаду на атомы всего – государства, народа, личности...

Трудно не согласиться с этим высказыванием. И вправду, литература по сравнению с телевизором это ясный день против тёмной ночи. Прочитанная книга помогает читателю собрать свои разрозненные мысли воедино, даже если его мысли не согласны с авторскими.

А когда они согласны, тогда радость охватывает душу читателя, обретшего в авторе близкого по духу человека. Но как бы читатель не относился к автору прочитанной им книги: спорно или бесспорно, положительно или отрицательно, книга учит мыслить, потому что книга сама по себе – вещь цельная.

А что телевизор? Чему учит телезрителей такая, например, передача как ток-шоу? Учит бестолковщине и спорливости, т.е. тому самому, от чего отвращаться заповедует христианам апостол Павел.

Сие напоминай, заклиная пред Господом не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих (2Тим.2:14).

От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры; рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым (2Тим.2:23,24).

Глупых же состязаний и родословий, и споров и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны (Тит.3:9).

Но если телевизор усугубляет путаницу в голове зрителя, тогда, может, интернет как-то исправляет эту грустную картину современного общения? Может быть, он, поскольку предоставляет своим пользователям обратную связь, способен отвратить человечество от оболванивания, в которое оно ускоренно двинулось после изобретения теле- и радиокommunikаций? Увы, интернет ещё более подогревает страсти и производит полную сумятицу в головах, потому что, если участвующие в ток-шоу люди видят перед собой людей, то есть образы Божии, и как-то сдерживают свои эмоции, то виртуального оппонента в интернете они готовы стереть в порошок оскорблениями и насмешками.

Кроме того, интернет это – чрезвычайное месиво мнений, в котором даже на одном сайте можно встретить такую разницу взглядов, что просто оторопь берёт: что же хотели донести до читателей его создатели? А про различные сайты и говорить не приходится: они настолько противоречивы, что извлечь из них что-либо согласное при всём желании невозможно. Поневоле думаешь, что цель всей этой затеи под названием «всемирная паутина» – посеять путаницу в головах и сбить с последнего толку «всё прогрессивное человечество».

Итак, при виде этого виногрета из интернета нельзя не согласиться, что классическая литература является звеном, связывающим нас с историей и культурой, и удерживающим нас от окончательной и бесповоротной потери здравого смысла. Так *стоит* ли на литературу ополчаться? *Стоит!* Уже потому стоит, что пора нам, наконец, понять, где истоки этой заразы, и где причины, породившие эту волну демократической бессмыслицы, в которой любое сказанное слово вызывает десятки опровергающих его слов, и все они тонут в общем потоке? Ну и где же эти причины? В литературе. Причины нынешнего культурного, телевизионного, интернетовского и прочих развратов кроются в нашей художественной литературе.

Вновь обратимся к Пушкинской речи Достоевского. «Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих, грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. (Достоевский едва ли понимает, что словом «нива» он не только пародирует слова Господа: *жатвы много, а делателей мало* (Мф.9:37), но и противостоит Господу, перенаправляя и без того немногочисленных работников духовной нивы на ниву художественную. – Г.С.). Положительно можно сказать; не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни».

В Ваши дни, Федор Михайлович, эти таланты не проявились так ярко и с такой силой, как расцвели они уже в наши дни. В Ваши дни была царская цензура, затем, в советское время социалистическая идеология строго следила за воспитанием талантов, и только в наши демократические дни согласно главному закону Российской Федерации, отменившему всякую цензуру, открылась полная свобода самовыражения. Сколько угодно и над чем угодно смейся, паяц» (гл.12, «Пурга»).

Надо с горечью признать, что силой, положившей начало отходу православных христиан от церкви и Богослужения *на страну далече* (Лк.15:13), была столь почитаемая ими художественная литература. И там, на далёкой от Божиих глаголов стороне, русские люди постепенно расточали полученное от Отца имение, живя распутно. Какое это имение? Святая православная вера.

Как в Ветхом Завете уклонение еврейского народа от Иеговы называлось пророками духовным блудом, так в Новом Завете уклонение христиан от Господа Иисуса Христа должно быть названо духовным блудом. Советское время, воспринимаемое ныне как расцвет просвещения, культуры, обороны, строительства, медицины и т.д., было на самом деле временем расточения духовных богатств, собранных предыдущими поколениями русских людей, живших в церкви и церковью. И не просто расточения, но именно блудного расточения, поскольку в блуде и для блуда было растрачено сыном отцовское имение, или, как говорится об этом в Евангелии, *изъядый имение с любодейцами* (Лк.15:30). Не устаю восхищаться выразительностью церковнославянской речи, поэтому не могу не привести эти слова в изначальном звучании. И теперь, окончательно сбитые с Евангельского толку бывшие советские, а ныне российские люди считают нормальной духовной пищей льющиеся с телевизионного экрана помои и питаются ими, как некогда блудный сын питался свинными рожцами.

«Что же? Назовём ли вслед за Достоевским выдуманные истории наших великих литераторов «правдой бесспорной и осязательной»? Будем ли по-прежнему восхищаться татьяной лариной и братьями карамазовыми, замещая живых русских Святых вымышленными литературными героями? Будем ли, помня Святых и украшая им гробницы, подражать не им, но онегиным и базаровым, а нынче уже не им, но пошло-тупым и развратным киногероям и поп-звёздам? Хотим ли мы так жить? А если не хотим, то давайте разбираться, откуда беда началась? Откуда и почему началось у нас это не просто пустое, но именно пагубное для души подражание, когда вместо спасительных живых примеров Святых нам стали подсовываться в образцы мёртвые литературные герои? Откуда? Да вот отсюда: «Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих, грядущих за ним художников, для будущих работников на этой же ниве. Положительно можно сказать; не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни» (гл.12, «Антинациональные речи»).

VI

Мне кажется, что нынешняя телевизионно-культурная ситуация в России является расплатой за грех увлечения советскими и досоветскими поколениями русских людей художественной литературой. Мне кажется, что современный российский телеэкран, на который уже противно и страшно смотреть, есть попущенное Богом наказание за преклонение перед всеми этими гениальными поэтами, выдающимися романистами, великими драматургами... Нужно ли называть имена? Их портреты рядами висят в школьных кабинетах. Что доброго они сделали для своего народа? Научили его бояться

Бога? Любить и почитать Иисуса Христа? Ничуть. Всё как раз напротив. Они отучили русский народ молиться и разлучили его с матерью Церковью.

Чем кто согрешает, тем и наказывается (Прем.11:17), - сказал премудрый Соломон по поводу постигшей египтян казни в виде великого множества жаб, выползших из воды по повелению Аарона (Исх.8:7). В церковнославянском переводе Псалтири это событие Священной истории описано следующими выразительными словами: *воскипе земля их жабами в сокровищницах царей их* (Пс.104:30), то есть на улицах, в домах, в спальнях египтян было так много этих противных тварей, что всё вокруг, лучше не скажешь, воскипело ими.

Соломон говорит, что *не невозможно было бы для всемогущей руки Твоей, создавшей мир из необразного вещества, наслать на них множество медведей или свирепых львов* (Прем.11:18), однако Господь послал на древних египтян жаб. Почему? *Чтобы они познали, что, чем кто согрешает, тем и наказывается*, чтобы обоготворявшие крокодилов поняли, как скверен их ум, опустившийся до почитания пресмыкающихся.

Возникает вопрос. Египтяне обоготворяли крокодилов, почему же к ним были посланы жабы? Почему не крокодилы? Потому что, когда египтяне почитали крокодилов, то не видели отвратительности этого занятия, но когда они увидели жаб, тогда те из египтян, кто ещё был способен к восприятию Божиих внушений, могли бы догадаться, как низко они пали, преклоняясь перед хищными рептилиями.

Если я следующим высказыванием оскорблю чьи-то чувства, то, простите, извиняться не буду. Пора, наконец, назвать вещи своими именами. Какими? В сравнении с духоносными отцами, оставившими нам свои творения, все эти великие гении «золотого», «серебряного», «бронзового» и прочих веков российской литературы, должны быть названы крокодилами. Лучше, конечно, сказать, что художественные сочинения последних в сравнении с Боговдохновенными творениями первых суть словесные крокодилы.

Прошу обратить особое внимание, что речь в этом сравнении идёт не о людях, но о книгах, не о личностях, но о духовных мирах, которые писатели изображают в своих произведениях. На всём протяжении книги «В Зосимину пустынь» её автор постоянно подчёркивает это обстоятельство, что он не судит людей, и не выясняет того, что известно одному Богу.

«Я сужу только тексты, и, исходя из них, заключаю, что как писатели (а не как личности!) Пушкин, Достоевский, Блок, Есенин не были христианами. Но эти слова не значат, что они не были христианами в жизни. Как понять эту мысль? Как можно разделить личную жизнь человека и его творчество? Точно так, как мы разделяем католиков и католицизм, протестантов и протестантизм, коммунистов и коммунизм... Осуждая нечестивые учения как погибельные заблуждения, нельзя лишать тех, кто эти учения разделяет, права на личное спасение» (гл.8, «Служу Воплощённому Слову!»).

Продолжая сравнение современной российской жизни с египетскими казнями, можно сказать, что, как к почитавшим живых крокодилов были посланы жабы, так к тем, кто почитал словесных крокодилов, посланы ныне бесчисленные словесные жабы с экранов телевизоров, с журнальных страниц, с интернет-сайтов, с динамиков радиоприёмников и прочих средств массовой связи. Не языческий Египет, но христианская Россия, не жилища, но самые души людей наполнились нынче гадкими жабами. Как расплата, как попущенное Богом наказание для вразумления, для опаматования и для духовного протрезвления...

А за неразумные помышления их неправды, по которым они в заблуждении служили бессловесным пресмыкающимся и презренным чудовищам, Ты в наказание наслал на них множество бессловесных животных (Прем.11:16). Вот именно, за неразумные помышления, за чтение художественной литературы в ущерб Священному Писанию, за взятых в учителя поэтов и романистов взамен святых отцов, за развращение ума и духа, за провозглашение сказки былью, за возведение лжи в истину и за всё другое, подобное этому, принимайте жаб в ваши умы и души.

Иногда я думаю, чем закончится это безумие? Ведь когда-то же оно закончится? Ведь должны же когда-то нахлебаться до тошноты, до рвоты этой телевизионной дряни? Или не должны? Или не остановится духовное самоубийство российского народа? Или только смерть способна прекратить это самоуничтожение, а сам народ так и не поймёт, что предлагаемая ему современная духовная пища – свинячья?

Спросим, когда пришёл в себя блудный сын из Евангельской притчи? Вы думаете, что он опомнился, когда, расточив имение с любодейцами, начал голодать? Ничего подобного. Начав голодать, он нанялся свинопасом, чтобы питаться вместе со свиньями. *...и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему (Лк.15:16).* Что же выходит? Он питался бы свиной пищей до самой смерти, если бы ему её давали? По всей вероятности, так и было бы. Но когда ему перестали давать еду свиней, тогда только он пришёл в себя.

Какой же вывод сделаем из притчи? Тогда только блудный сын пришёл в себя и решил идти к отцу и хлебам, который в избытке скармливались наемникам, когда призрак голодной смерти встал перед ним со всей очевидностью. Этим выводом мы и завершим краткий обзор книги «В Зосимину пустынь».

VII

Напоследок несколько слов о том, что следовало бы сказать в начале статьи – о названии книги. Почему она так называется, если о женском монастыре Зосимова пустынь, оказавшемся с 2012 года в черте города Москвы, в книге почти не говорится?

«Зосимины пустынь... Такого места нет на карте нашей необъятной родины. Так имел обыкновение называть Зосимову пустынь, или Троице-Одигитриев женский монастырь, преподобный Антоний Оптинский в переписке с его насельницами. Мы же, беря эти слова

в название, желали сказать то, что Зосимину пустынь не нужно искать на географических широте и долготе, потому как лежит она в другом измерении: в долготе дней и в широте души. Чьей? Сказать: моей? Но моя душа мелковата, чтобы вместить в себя Зосимину пустынь, и сама она в Зосиминой пустыни помещается по милости преподобного старца Зосимы Верховского. Сказать: души твоей, любезный читатель? Но многие из вас, может, слыхом не слыхивали про такой монастырь... Скажем безотносительно: Зосимина пустынь лежит в пространстве душевном» (гл.9 «Где находится Зосимина пустынь?»).

Книгу «В Зосимину пустынь» можно назвать паломничеством, которое предлагается совершить трудолюбивому читателю. Именно трудолюбивому, поскольку путь в этот монастырь непрост. Автобусом и машиной туда не повезут. Своими ножками и своим умом предлагается идти читателю и разбирать по пути завалы нечестия и лжи, местами обходя, а местами прорубая выросшие за века непроходимые заросли предрассудков.

Идти нужно с молитвой, как и положено паломникам, утруждая свой ум обращением к Богу, Его Пречистой Матери, Его угодникам и, конечно же к тем, к кому лежит путь, к преподобным Зосиме и Василиску Сибирским, а также насельницам и священникам этого монастыря, из которых на сегодняшний день шестеро прославлено в лике новомучеников и исповедников Российских – мать игуменья, три сестры и два священника.

И в качестве приглашения к пути «В Зосимину пустынь» хочу пересказать читателю историю из жития игуменьи этого монастыря, преподобномученицы Афанасии (Лепёшкиной).

«Игуменью Афанасию пригласили быть на заседании уездного исполнительного комитета. Происходило заседание в клубе, на сцене. Игуменья пришла в сопровождении своей келейницы, строгая, стильная в своём монашеском одеянии и красивая. Кто-то из исполкома, нарушая неловкость, внесённую её появлением, стараясь шутить, сказал, указывая на портрет Маркса: «А вот, матушка игуменья, Маркс. Он является, собственно, учеником первого социалиста – Христа». Мать Афанасия обвела неторопливо сцену глазами и ответила: «Вот портрет ученика вы поместили здесь, а почему же нет портрета учителя?» (Монахиня Зосима (Л.А.Верховская). Монашество Зосимовой пустыни, М., 2010, с.253.)

Игуменья Афанасия была изгнана с более чем двумястами сёстрами из выстроенного ими монастыря, а затем сослана в Казахстан, где умерла в 1931 году. Почему я вспомнил эту историю из её жизни? Потому что, если в её время поставить рядом с портретом Маркса икону Господа у социалистов не хватило наглости, то «православные» социалисты в наше время рядом с портретом Сталина ставят образ Спасителя, уже несколько не смущаясь дикостью этого преинства.

Ужас нашей оторванной от православных корней жизни в том, что в храмах наших душ рядом с иконами Божиих угодников ставятся портреты Пушкина, Достоевского, Блока, Есенина и прочих писателей, а православными уже почти не замечается это непотребное

соседство. Для того чтобы уберечься от этого дьявольского обольщения, и предлагается Боголюбивому читателю совершить паломничество «В Зосимину пустынь».